

СЕМИОЛОГ Р. БАРТ И СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Понизовкина Ирина Федоровна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Статья, посвященная современному актуальному прочтению творчества известного французского семиолога Р. Барта, раскрывает основные аспекты вклада исследователя в развитие философии и методологии изучения современного мифа. Автором рассматриваются властные силы и субстанциональность языка как знаковой системы, которая активно действует в социуме в виде особых коннотативных смыслов. Они образуют скрытое языковое пространство современного мифотворчества, не осознаваемого обществом и индивидами. К началу XXI в. социальная мифология значительно расширила свое функциональное поле в мире и стала важным идеологическим средством достижения политических, национальных и иных задач в социуме. Интересная концепция мифологии Р. Барта приобретает сегодня особую актуальность и дополняет сложную и неоднозначную модель современного социального мифа.

Ключевые слова: семиотика, социальный миф, мифотворчество, языковая знаковая система, семиозис.

SEMIOLOG R. BARTHES AND SOCIAL MYTH: TODAY'S READING

Ponizovkina, Irina F.

PhD, Assistant Professor of the Department for History and Philosophy of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

The article deals with today's reading of creative works by the prominent French semiologist R. Barthes. It reveals key aspects of the researcher's contribution to the development of philosophy and methodology of studying modern myth. The author discusses powerful forces and substantial nature of language as a symbol system, which acts actively in social media as special connotative senses. They form a concealed language space of modern myth creation, which is not realized by society and individuals. By the early 21st century social myth creation had enlarged its functional field in the world and became an important ideological means of attaining political, national and other objectives in the social media. R. Barthes's concept of mythology is gaining special topicality today, which complements an intricate and tricky model of modern social myth.

Keywords: semiotics, social myth, myth creation, language symbol system, semiosis.

Французский исследователь Ролан Барт (1915–1980) является одним из крупнейших представителей структуралистской методологии и семиологии, применявшим свои выводы к области массовой культуры и литературы. Хотя Р. Барта принято считать известным лингвистом и литературоведом, глубина его научных исследований поднимает его до уровня подлинно философских обобщений. Сегодня его труды приобретают особое значение в связи с актуализацией того культурного фона, который был изучен мыслителем во второй половине XX в., и дают ключ к пониманию многих современных общественных явлений. Особенно интересной и своевременной является трактовка Бартом мифологии, значительно расширившей к началу XXI в. свое функциональное поле в мире и ставшей идеологическим средством достижения политических, национальных и иных задач в социуме.

Находясь под влиянием трудов исследователей Ф. де Соссюра, Н. С. Трубецкого, П. Г. Богатырева, Р. О. Якобсона, Л. Ельмслева, Э. Бенвениста, К. Леви-Стросса и др., Р. Барт переходит к собственной исследовательской деятельности как семиолог. Семиотика – это специальная наука о знаках, которая возникла в XIX в. в связи с запросами лингвистики и логики. Ее основоположником стал философ Чарльз Сандерс Пирс, в сфере лингвистики ее основы заложил Фердинанд де Соссюр. Ради справедливости следует отметить, что роль знаков в познавательном процессе исследовал еще в далекой древности Аристотель, впоследствии этим занимались Дж. Локк, Г. Лейбниц и др.

Сегодня семиотика – одна из актуальных и быстроразвивающихся отраслей знания, связанная, с одной стороны, с логикой и лингвистикой, а с другой – с разнообразными культурными феноменами современности через широкое употребление в них знаков и знаковых механизмов. Р. Барт существенно расширил методологию семиологического исследования куль-

турных феноменов социума, дополнив ее структурным методом. Это позволило рассмотреть новые аспекты социального мифотворчества и создать более широкую и адекватную модель мифа. Барт предложил рассматривать это явление с позиций функционирующей знаковой системы, создающей особый дискурс, являющийся носителем мифического сообщения.

Французский ученый изучает миф как семиологическую систему, при этом обращаясь к известной в логике и лингвистике триединой модели знака. В свое время Соссюр выделял в ней три основных элемента: означающее, означаемое и сам знак. Для характеристики этой триадической природы знаковых отношений Ч. Пирс применял понятие «семиозис», которое стало центральным для семиотической теории.

Семиозис – это процесс порождения и функционирования знаков, представляющих собой абстрактные или материальные объекты, используемые интерпретатором в процессе познания или коммуницирования в качестве представителя (для замещения) других объектов. При этом в качестве знаков могут выступать разнообразные объекты – произнесенные вслух или написанные слова и словосочетания, графические символы, жесты, сигналы, художественные образы и т. п.

По мнению Пирса, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой, т. е. пока он не будет интерпретирован. «Идея семиозиса выражает самую суть отношений между знаком и внешним миром – объект репрезентации существует, но он удален и недосыгаем, будучи словно «спрятан» в череде семиотических медиаций. Однако познание этого объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков»¹.

Поскольку понятийный аппарат относительно семиотических систем в логико-философской и лингвистических науках

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%81> (дата обращения: 18.06.2017).

различаются (например, основополагающие понятия «значение» и «смысл», синонимичные в лингвистике и четко различаемые друг от друга в логике), представим семиотическую ситуацию (семиозис) в виде философской триады – так называемого семантического треугольника, введенного в научный оборот американскими семиотиками Ч. К. Огденом и И. А. Ричардсом (рис. 1).

Рис. 1. Классическая триада семиозиса по Ч. К. Огдену и И. А. Ричардсу

В их книге «Значение значения: исследование влияния языка на мышление и научный символизм», которая была опубликована в 1923 г., представлена удачная модель взаимосвязи трех главных логико-философско-лингвистических категорий:

- 1) принятое в человеческом обществе наименование объекта – знак – имя (языковое выражение в виде слова, лексемы);
- 2) сам обозначаемый объект реальной действительности, именуемый в логике «значение» или «денотат», а в лингвистике – «референт»;
- 3) возникающее в сознании интерпретатора мысленное представление о данном объекте, способ обозначения информации об объекте (означающее), который в логике называется «смысл» или «концепт».

Вещи (предметы, явления) всегда полисемичны и поддаются различным интерпретациям в зависимости от ситуации.

По мнению Барта, семиотика должна изучать в первую очередь то, как люди наделяют смыслами предметы и явления, окружающие их. Культура все больше и больше открывается нам как универсаль-

ная система символов, как организм, постоянно производящий знаки и с их помощью структурирующий действительность.

Согласно идеям мыслителя, все культурные явления – от обыденного идеологического мышления до искусства и философии, все виды коммуникации кодируются в знаковых системах, которые выступают продуктом мифотворческой деятельности.

Р. Барт подходит к проблеме происхождения и сущности мифа с позиций семиотики, исследующей знаковые системы любых типов социальной практики через латентные смыслы, которые в процессе актуализации требуют расшифровки (декодировки). Этот аспект в раскрытии механизма социального мифотворчества является весьма эффективным и взаимодополняющим общую модель современного мифа (структуралистскую позицию, социокультурный и исторический подход с факторным анализом, системный функционально-социо-логический метод и др.). Кроме того, он позволяет взглянуть на данный феномен мифотворчества изнутри.

В 1957 г. Барт издает «Мифологию», в которой изящно и точно разоблачает иллюзорно-мифологическое сознание «среднего француза». Теоретико-семиологическое послесловие к данной работе «Миф сегодня» принесло ему славу блестящего аналитика культурной повседневности, в которой автор вскрывает коннотативные механизмы социального мифотворчества. В этот период он еще не до конца овладел методическими тонкостями и категориальным аппаратом семиотики, тем не менее его работы и сегодня читаются как актуальные и привлекающие внимание к этой завуалированной в политических кругах проблеме.

Особенностью бартовского подхода к знаковым системам является его интерес к изучению не непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми семиотических объектов, а тех, которые не

осознаются людьми до конца, но которые властвуют над ними. В своих исследованиях он идет вслед за идеями К. Леви-Стросса, который одним из первых обратил свой взор на бессознательные структуры, функционирующие в сфере духовных социокультурных феноменов, которые способны порождать эти феномены и влиять на них. К таким латентным феноменам следует отнести и социальные мифы, которые не осознаются субъектом, воспринимаются некритично и прочно встраиваются в массовое общественное сознание.

Барт обнаруживает в мифе ту же трехэлементную систему, о которой речь шла выше. Но мыслитель подчеркивает принципиальную характерную особенность мифа: он представляет собой вторичную семиотическую систему, которая как бы надстраивается над первой, пользуется ею в своих интересах. Этот вторичный язык мифологии Барт называет метаязыком, на котором говорят о первом.

Барт расширяет привычную триаду семиозиса и вводит в него новые элементы,

позволяющие объяснить внутренний механизм функционирования мифа (рис. 2).

Рис. 2. Триада семиозиса по Р. Барту

Означающее он рассматривает с двух точек зрения: а) как результат первичной знаковой системы; б) как исходный элемент формирующейся вторичной мифологической системы (коннотат).

Это смещение формальной системы первичных значений, встраивание ее в метаязык в процессе мифотворчества сам Р. Барт изобразил с помощью схемы (рис. 3) [1. – С. 79].

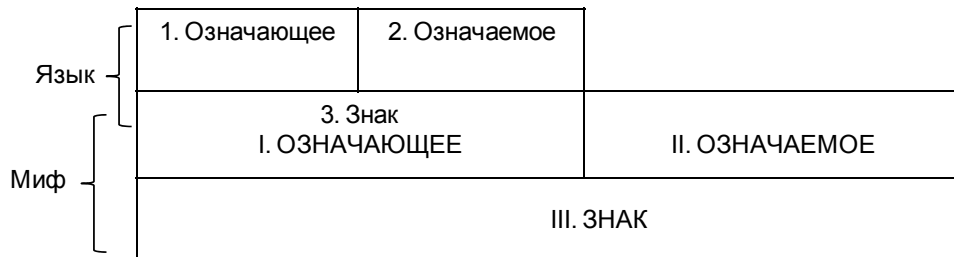

Рис. 3. Семиотический механизм мифотворчества

Знаковые системы (языковые и неязыковые в виде изображений, фото, предметов и т. п.) поступают в распоряжение мифа, который надстраивает над ними свою собственную систему. Например, в современной идеолого-политической информационной войне подобные схемы широко используются для внедрения в сознание целевой аудитории определенных стереотипов. Так, безобидное слово «ватник», означающее всего лишь добротную разновидность одежды сельского жителя, представляющую собой стеганую ватную фуфайку чаще темно-серого цвета, в которой когда-то работали советские колхозники, стало приобретать в устах враждебных идеологов и политтехнологов иносказательный смысл – уже не функциональной вещи, а носителя определенных качеств, которыми они целенаправленно наделяют россиян:

Означающее всего лишь добротную разновидность одежды сельского жителя, представляющую собой стеганую ватную фуфайку чаще темно-серого цвета, в которой когда-то работали советские колхозники, стало приобретать в устах враждебных идеологов и политтехнологов иносказательный смысл – уже не функциональной вещи, а носителя определенных качеств, которыми они целенаправленно наделяют россиян:

отсталость (совковость) и бедность, серость и единомыслие, замшелость и никчемный патриотизм. Это весьма пренебрежительный вторичный смысл, к которому легко привлечь внимание с помощью всем знакомой знаковой вещи, ставшей паразитарной формой существования социального мифа, своеобразным мемом (по выражению исследователя Р. Докинза [4. – С. 318]).

Цель Р. Барта – разрушение иллюзорного мифологического сознания, идеологического по сути. И в данном случае, как подтверждает сегодняшняя действительность, ни научные факты, ни рационализация подходов к мифу не приводят к положительному результату. По Барту, разрушение заключается не в том, чтобы предать анафеме подобные языки, а в том, чтобы вывернуть их наизнанку, показать, как они «сделаны» [1. – С. 8]. Его сверхзадача – дискредитировать современный миф, развенчав его с помощью объяснения механизма и раскрытия социальной детерминированности формирования иллюзий.

Барт раскрывает коннотативные механизмы мифотворчества. Недаром его идеи называют коннотативной семиологией. При этом он выходит за рамки классического лингвистического анализа, при котором тождественны или взаимно предопределены обозначаемое (денотат) и обозначающее (концепт), безразлично обслуживающие всех членов человеческого сообщества и все слои населения. Их четкое различие в философском плане дает пищу для более глубокого анализа мифа, который выполняет в социуме далеко не однозначную роль. В мифе всегда синкретично заключены и идея-представление, воплощенная в конкретных чувственно-наглядных образах, и действие (побудительный характер), и эмоциональная составляющая. Он одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает. Можно сказать, что он даже навязывает субъекту свою собственную интенцию. Как происходит это суггестивное воздействие мифа?

Во-первых, система языка представляет собой, по Барту, скорее, не сокровищницу, а пункт проката языковых знаков. Дискурсивные единицы прошли через множество словоупотреблений, что оставило на них по закону отражения неизгладимые следы и отпечатки примененных смысловых контекстов. Слова-знаки насквозь пропитаны разнообразными идеологическими, культурно-историческими, социальными смыслами-концептами, которые были ими приобретены в ходе многократного употребления. Таким образом, они утратили твердое предметное значение и стали обладать смысловой неисчерпаемостью или, по крайней мере, неопределенностью. Такая языковая среда наиболее близка мифу, легко переходящему с одного смыслового ряда на другой. Чаще всего современный миф – это «похищенный», вторичный язык, легко подстраивающийся под любую конкретно-историческую ситуацию.

Несмотря на относительную устойчивость и необходимость действовать в границах определенного интерпретативного поля, феномены иллюзорно-мифологического характера изначально обладали и обладают реактивностью и динамичностью. Самые широкие по смыслу символические образы и значения, которыми оперирует миф, обладают возможностью бесконечно видоизменяться под влиянием реальности. Ведь символ массового сознания – это всегда открытый образ, его смысл никогда не сводим к одному определенному значению, «он всегда – веер возможностей, смысловых перспектив» [7. – С. 43]. В современной новейшей истории мы можем привести пример применения мифологического идеологического оружия путем расширения и изменения интерпретативного смыслового поля культурно-исторического понятия «георгиевская ленточка», которое прошло длительный путь употребления как символа в самых разных смыслах в зависимости от историко-национальной ситуации: от символа торжества победы и воинской славы до экспрессивного, цинично-метафорического, уничто-

жающего – «колорадская ленточка». Это в определенной мере связано со вторым обстоятельством.

Во-вторых, миф имеет латентный характер. Однако парадокс этого феномена состоит в том, что он вовсе не прячется, как кажется на первый взгляд, и не скрывает свои коннотативные значения. Он старается конкретизировать и натурализовать их. Можно даже сказать, что натурализация концепта является способом жизнеспособности и жизнедеятельности мифа. Миф всегда стремится выглядеть как нечто природно-естественное, во что вовсе не надо верить, поскольку оно само собой разумеющееся. Мифологическое сознание изначально не подразумевало в своей основе феномен веры, в отличие от религиозного сознания. Вторичные идеологические социальные мифы активно эксплуатируют эту его существенную особенность. Отсюда – стремление придать символам-идеям чувственно-наглядную форму. Тогда мифология воспринимается как безобидное явление, в котором означающее и означаемое представляются связанными естественным образом. Стремление что-либо скрыть могло бы привести к полной утрате эффективности мифа, если тайное станет явным. Наглядная натурализация, затрагивающая эмоциональную сферу, позволяет потребителю мифов воспринимать значение как систему очевидных фактов.

Социальные мифы ловко превращают идеологическое и узоутилитарное во всеобщее, необходимое, истинное, причем не только для потребителя, но и творца мифа, которому искусственная, созданная мифом духовная среда необходима для столь же искусственной деятельности, для ощущения себя субъектом. Поэтому, как отмечал Барт, «интенция, навязывание концепта могут быть совершенно явными и в то же время не казаться своекорыстными. Причина, которая побуждает порождать мифическое сообщение, полностью эксплицитна, но она тотчас застывает как нечто "естественное" и воспринимается тогда не как внутреннее побуждение, а как объек-

тивное основание» [1. – С. 96]. Все это делает миф необходимым орудием манипулирования сознанием и поведением масс, средством, особенно «токсичным для социального тела».

Таким образом, для социального современного мифа свойственна некая двойственность, которая помогает ему безболезненно и непротиворечиво вписать человека в любую ситуацию. Миф – это всегда знаковое сообщение, которое, по сути, определяется своей интенцией, которая неочевидна из-за наслоения первичных значений и смыслов и потому достигает цели коммуницирования. Этому способствует следующий характерный признак мифосознания – символичность.

В-третьих, символы как неотъемлемые элементы мифологической знаковой системы не существуют как нечто объективное. В коннотативном символе явления-вещи обретают смысл и значение исходя из положения в системе отношений, где мыслимое совпадает с переживаемым, и служат непосредственной адаптации субъекта и способом приобщения его к внешнему миру.

Мифология распоряжается этой символической формой по своему усмотрению, структурируя на свой лад социальное пространство. Заменяя одни ряды символов другими, чаще на основе интуитивно-ассоциативных связей, мифическая мысль делает описываемые феномены как бы более умопостигаемыми для той или иной целевой аудитории. Вышеупомянутый идеологический мем ватника (или «колорадской ленточки») становится распространяющейся единицей информации, приобретая черты некоего вторичного символа, поскольку в нем синкретично заключены и легко воспринимаемый чувственно-наглядный образ, и идея-представление, и эмоциональное отношение, и экспрессивная интенция. Все это служит мощным побудительным мотивом, подкрепленным суггестивным фактором. В. М. Бехтерев в своей статье «Роль внушения в общественной жизни» еще в 1898 г.

предложил концепцию «ментальных микробов», которые «подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр.» [3]. Сегодня эти «микробы»-мемы многократно ускорили свое распространение и воздействие благодаря современным средствам медиапространства.

Миф – это особый вид мироощущения, синкретическое представление об окружающем мире, которое невозможно разрушить никакими рациональными доводами и фактами. Именно это часто пытаются делать политики, привлекая ученых к разоблачению мифов. Однако перечень убедительных фактов, приведение сухой статистики и т. п. далеко не всегда оправдывают надежды.

Чувственно-наглядные, эмоционально-насыщенные образы убеждают коллективного субъекта быстрее, чем логические доводы. Особенно, если они подкреплены экспрессивными визуальными образами, наполняющими современное медиапространство и играющими особую роль в формировании социальных мифов.

Социальный язык, как говорил известный философ и лингвист М. Бахтин, всегда идеологически наполнен и поэтому образует упругую смысловую среду [2]. Это пространство, которое Р. Барт именует идеологической сеткой, либо интенционально-принудительно диктует субъекту (индивиду, группе и т. д.) восприятие знаков через определенные категории и значимые для нее аспекты действительности, либо субъект должен применить усилие, чтобы пробиться к своему смыслу и к своей экспрессии. Коннотативный смысл живет и пытается вытеснить все остальные смыслы до тех пор, пока живет идейно-исторический контекст его формирования и употребления.

Назначение современного мифотворчества Р. Барт определял как функционально двоякое. С одной стороны, миф стремится создать такой образ действительности, который бы соответствовал аксиологическим

ожиданиям носителей мифологического сознания. Можно было бы добавить, что эти образы одновременно должны совпадать с целями создателей этих образов, т. е. мифотворцев. С другой стороны, миф стремится перевести восприятие мифологических образов в область бессознательного, нерелеферируемого, тщательно скрытого, которая не поддается рациональному осознанию. Первоначальный смысл денотативной знаковой системы сохраняется, но при этом исчезает как в суде.

Следовательно, бороться с мифом можно только его же средствами – либо через мифологизацию его самого (сделав его отправной точкой новой семиотической системы), либо через создание новой, более убедительной мифологии. Французский мыслитель предлагает также путь демистификации – объяснения тайного механизма мифотворчества, что позволило бы разоблачить способы его «назойливого домогательства» и разрушить господствующие идеологические языки социального мифа. Р. Барт прямо заявлял, что его произведение «Мифология» было задумано как серия разоблачительных очерков мистифицированного сознания массового общества, в которых автор хотел бы вскрыть идеологический обман, прикрытый флером естественности и само собой разумеющегося [1. – С. 46].

Социальные мифы поразительно живучи и способны возрождаться в новых условиях под новыми лозунгами. В XXI в. в период глобализации и информационно-компьютерной революции функциональное поле социальных мифов значительно расширяется. В целях достижения определенных политических, социально-экономических и культурных результатов процессами мифотворчества пытаются активно руководить. И безрезультатно.

Социальные иллюзии являются выражением специфической духовно-практической связи между людьми, основанной на наличии общих смыслообразующих представлений, переживаний и функцио-

нальном неспецифическом знании. Это объединение людей носит мировоззренческий характер и способствует самоидентификации и интеграции человечества, рода, нации, социальной группы и других общностей. Однако мифотворчество с таким же успехом способно завести людей в тупик, мир бесплодных грез и самообмана.

Мифотворчество необходимо рассматривать как закономерное явление в духовной жизни любого общества, свойство самой социальной действительности. Вместе с тем в зависимости от обстоятельств и условий (социокультурного фона, характера политической культуры и т. д.) мифы могут обретать различный смысл и играть

исторически противоречивые роли. Игнорирование или недооценивание роли этого явления в социуме не только антинаучно, но и опасно. Нужно занять по отношению к мифу рефлексивную позицию, научиться выявлять его инвариант и учитывать его особенности, во многом влияющие на жизнедеятельность социума, а также демистифицировать этот феномен в глазах коллективного субъекта. Идеи одного из крупнейших исследователей в области семиотики Р. Барта могут эффективно помочь в этом, приобретая сегодня особую актуальность и дополняя сложную и неоднозначную модель социального мифа.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975.
3. Бехтерева В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб., 1908.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М. : Мир, 1993.
5. Малахова Е. В. Молодежная субкультура и социальная мифология // Известия МГТУ «МАМИ». – 2014. – № 4 (22). – С. 116–121.
6. Понизовкина И. Ф. Иллюзорное сознание и общество : монография. – М. : МИРБИС, 2012.
7. Рубцов Н. Н. Символ в искусстве и жизни: философские размышления. – М. : Наука, 1991.

References

1. Barthes R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics], translated from France. Moscow, Progress, 1989. (In Russ.).
2. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of Literature and Esthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. (In Russ.).
3. Bekhterev V. M. Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoy zhizni [Hypnosis and its Role in Public Life]. Saint Petersburg, 1908. (In Russ.).
4. Dokins R. Egoistichnyy gen [Egoistic Gene]. Moscow, Mir, 1993. (In Russ.).
5. Malakhova E. V. Molodezhnaya subkul'tura i sotsial'naya mifologiya [Youth Sub-Culture and Social Mythology]. Izvestiya MGTU «MAMI», 2014, No. 4 (22), pp. 116–121. (In Russ.).
6. Ponizovkina I. F. Illyuzornoe soznanie i obshchestvo, monografiya [Illusive Consciousness and Society, monograph]. Moscow, MIRBIS, 2012. (In Russ.).
7. Rubtsov N. N. Simvol v iskusstve i zhizni: filosofskie razmyshleniya [Symbol in Art and Life: Philosophic Reflections]. Moscow, Nauka, 1991. (In Russ.).